

Есть въ Россіи оперный артистъ, по фамилии Михайловъ-Стоянъ, лѣтвшій нѣкоторое время на императорскихъ сценахъ, имѣющій хорошій успѣхъ и популярность въ провинціи. Онъ — болгаринъ родомъ и русскій самоучка воспитаніемъ. Прежде, чѣмъ изображать Фаустовъ, Германовъ, Ленскихъ, Тавгеизеровъ, г. Михайловъ-Стоянъ былъ кузнецомъ, наутюжкомъ... да чѣмъ только онъ не былъ и гдѣ только не былъ! Теперь г. Михайлову-Стояну уже подлѣ пятьдесятъ лѣтъ, — съдѣзательно, онъ — на закатѣ своей карьеры, бурной и многострадальной. Ему захотѣлось раскрыть предъ публикою душу свою, рассказать, какъ русскому пѣвцу тяжело живется, поется, учится; что это за нилія, во благодарная карьера, и какъ трудно нести крестъ ея челоуѣку интеллигентному, — неспособному заключить всѣ

цѣли жизни своей въ томъ линіи, чтобы взять красивое верхнее до, желающему мыслить и чувствовать, стремящемуся сознать себя не забавою, но слугою общества, равноправнымъ и равноуважаемымъ съ дѣятелями, служащими на общество въ другихъ его духовныхъ потребностяхъ. И вотъ г. Михайловъ-Стоянъ написалъ огромную, двухтомную „Исповѣдь тенора“ — произведеніе довольно хаотическое и нескладное, но поразительно искреннее и откровенное въ каждой строкѣ своей. Это — дѣйствительно, цѣлая жизнь, вскрытая предъ глазами читателя, безъ малѣйшей фальши, снисходительности къ себѣ, ложнаго смиренія или, обратно, заносчивости. „Исповѣдь“ г. Михайлова-Стояна я читалъ, одновременно повторяя „Исповѣдь“ Руссо. Г. Михайловъ-Стоянъ — не Руссо; смѣшно было бы и проводить параллели между этими двумя „исповѣдями“. То — геніальная самонаблюденія мірового генія, переходящая вотъ уже въ третье столѣтіе безъ малѣйшаго ущерба въ своемъ литературномъ и общественномъ значеніи; а то — просто благодарныя признанія скромнаго челоуѣка „своими способностями“, полученнаго полуобразованіе на мѣдныхъ деньгахъ, добытыхъ собственнымъ разнообразнымъ и тяжелымъ трудомъ. Но въ правдивости, въ смѣлой и благородной простотѣ признаній, книга г. Михайлова-Стояна не уступаетъ своему великому образцу, и кто одолѣетъ своимъ вниманіемъ ея вышнюю неуклюжесть и мѣстами даже дикость, — тотъ не раскиснетъ: предъ нимъ пройдетъ интереснѣйшее зрѣлище — жизнь челоуѣка какъ она есть.

Книга г. Михайлова-Стояна вышла еще въ 1896 году, и если я вспоминаю сейчасъ изданіе давности, столь почтенной по быстрымъ передвиженіямъ нашего книжнаго рынка, то этому причиною — встрѣчи съ нѣсколькими молодыми пѣвцами, побывавшими на заграничномъ усовершенствованіи. Они вернулись изъ Милана и Парижа, измученные, разочарованные, никакихъ усовершенствованій не приобрѣтившіе, а нѣмѣ — благодарные уже и за то, что не все растеряли методу и знанія, нажитыя въ русскихъ консерваторіяхъ. Словомъ, слушалъ я этихъ молодыхъ людей и какъ бы переживалъ страданія, томленія и сомнѣнія своей собственной юности, когда и я, многогрѣшный, понавъ на усовершенствованіе въ Миланъ, бродилъ въ немъ, какъ въ темномъ лѣсу, ходилъ по *maestr'amъ*, пробуя методу то одного, то другого знаменитаго шарлатана, и съ отчаяніемъ чувствовалъ, что вся эта знаменитая итальянская школа, можетъ быть, великолѣпна для итальянскаго же горла, но для русскаго влечетъ лишь одинъ исходъ и результатъ: непремѣнную потерю природнаго голоса.

Я предложилъ бы нашимъ учебно-музыкальнымъ учрежденіямъ — вмѣнить въ обязанность всякому юношѣ, всякой пѣвицѣ, отправляемымъ въ Италію для полученія высшаго вокальнаго образованія, прочесть предварительно второй томъ „Исповѣди тенора“, какъ чрезвычайно полезное, умное и своевременное предостереженіе противъ того безобразнаго шарлатанизма, жертвою котораго дѣлается наша молодежь, ищущая отъ заграничныхъ знаменитостей указаній на новые пути въ искусствѣ пѣнія. Исканія эти описаны г. Михайловымъ-Стояномъ, — можно сказать, — кровью сердца. И жалко, и страшно читать, какъ гибнутъ деньги, силы, здоровье десятковъ молодыхъ людей, отправляющихся, — въ большинствѣ случаевъ, на послѣдніе трудовые гроши, рискуя полнымъ раззореніемъ, — стяжать динломъ итальянски или парижски воспитанныхъ пѣвцовъ, раздобыться удостовѣреніемъ о прохожденіи курса отъ какихъ-нибудь Чина, Обрилья, Бельтрами и т. д.

— Найдите опору для голоса! Беря ноту, поднимайте какую нибудь тяжесть, — ну, фортепіано, что ли, около котораго стоите, когда поете.

— Лягте навзничъ на скамью и издавайте звуки.

— Грудь вверхъ! голову внизъ!

— Глотайте каждую ноту!

— Не подымайте грудь, держите голову вверхъ, дышите въ ребра...

— Дышите брюхомъ внизъ и, чѣмъ выше нота, тѣмъ ниже спускайте брюхо, напирая на пуповину.

— Ищите ноту во рту!

— Старайтесь все не дышать при пѣніи!

— Пойте легонько и на губахъ.

Не правда ли, эти девять приглашеній кажутся подслушанными въ какой-нибудь „Палатѣ № 6“, полной безтолковою толпою умалишенныхъ? Нѣтъ, а, впрочемъ... можетъ быть, и да! — потому что это — девизы десяти различныхъ школъ пѣнія, проповѣдуемыхъ десяткомъ профессоровъ, изъ коихъ восемь — шарлатаны сознательные, а остальные два, — въ лучшемъ случаѣ, полоумные фанатики, въ худшемъ, — просто дураки и невѣжды, лишенные всякаго понятія объ анатомическомъ строеніи дыхательныхъ и голосовыхъ органовъ, о физиологій и гигиенѣ голоса.

Россія. Петерб. 1901/2 20 января

— Идите коту во рту!

— Старайтесь вовсе не дышать при пѣніи!

— Пойте легонечко и на губахъ.

Не правда ли, эти девять приглашеній кажутся подслушанными въ какой-нибудь „Палатѣ № 6“, полной безтолковой толпою умышленныхъ? Нѣтъ, а, впрочемъ... можетъ быть, и да!—потому что это—девизы десяти различныхъ школъ пѣнія, проповѣдуемыхъ десятию профессорами, изъ коихъ восемь—шарлатаны сознательные, а остальные два,—въ лучшемъ случаѣ, полоумные фанатики, въ худшемъ,—просто дураки и невѣжды, лишенные всякаго понятія объ анатомическомъ строеніи дыхательныхъ и голосовыхъ органовъ, о физиологій и гигиенѣ голоса.

Г. Михайловъ-Стоянъ учился въ Парижѣ у Массона, Дювернуа, Крости, Сбрилья, Мельхиседека, Критикоса и вынесъ справедливыя впечатлѣнія, что люди эти лишь притворяются, будто они имѣютъ какія-то методы преподаванія; на самомъ же дѣлѣ, занятія ихъ и недобросовѣстны, и вполне безсознательны, лишены всякой логики, всякой принципиальной основы. Изъ ста профессоровъ—99 неучи, а изъ ста учениковъ—у 99 пропадаютъ голоса. Многіе заболѣваютъ горловою чахоткою, получаютъ эмфизему легкихъ и т. п. Перепробовавъ всѣхъ миланскихъ модныхъ maestri, г. Михайловъ-Стоянъ пришелъ относительно Пеца, Чимы, Поццо, Торриджи къ тому же печальному убѣжденію, что касательно парижскихъ Критикосовъ, Мельхиседекосовъ *e tutti quanti*. Въ настоящее время нѣтъ во всей Италіи ни одного болѣе или менѣе свѣдущаго и авторитетнаго профессора пѣнія. Русскіе пѣвцы и пѣвицы, перебивавъ каждый и каждая у десятка профессоровъ, ничему у нихъ не научились, нашли ихъ невѣждами, алчными нахалами, и почти всѣ съ грустью сознаются теперь, что проведенное ими въ Италіи время пропало даромъ, и деньги брошены на вѣтеръ. Между тѣмъ, годы ихъ ушли, и они теперь, не бывъ еще на войнѣ, стали жалкими инвалидами. Многіе продолжаютъ по привычкѣ скитаться по „заграницѣ“, другіе, подражая своимъ профессорамъ, сами стали шарлатанами—открыли у себя классы пѣнія и профессорствуютъ во всю; третьи возвращаются въ Россію, полные страха и трепета при мысли о томъ—какъ мало привозятъ они въ своемъ горлѣ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя потратили деньги на ихъ поѣздку и дали имъ стипендіи.

Совершенно основательно сожалѣніе г. Михайлова-Стояна, что миланское русское консульство не займется собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о томъ—сколько русскихъ пѣвцовъ перебивается за годъ въ Миланѣ, и сколько они получаютъ изъ Россіи денегъ, которыя зря бросаютъ на вѣтеръ,—т. е. передаютъ профессорамъ пѣнія, не получая отъ нихъ взамѣнъ ничего такого, что было бы годно русскому искусству. Получились бы поразительныя цифры, должныя дать понятіе—до какихъ размѣровъ съ одной стороны доходить грабежъ русскаго золота итальянскими шарлатанами и его бесполезная трата одними русско-миланскими пѣвцами, а съ другой—сколько рабочихъ русскихъ силъ ходитъ зря на сторону.

Посылки въ Италію стипендіатовъ нашими консерваторіями и императорскими театрами истерифли полнѣйшее фіаско и не дали ни-

чего путнаго. Какое-то сжиганіе талантовъ, голосовъ, времени, характеровъ, денегъ! И всѣ понимаютъ это, и—неисправимы хотъ брось! Знаютъ, что нынѣшняя Италія—мышеловка для пѣвца, и, несмотря на это, свѣжіе люди ѣдутъ и ѣдутъ сюда, точно ихъ кто загниготизировалъ и внушилъ имъ эту безумную страсть, это безсмысленное стремленіе въ Миланъ, гдѣ профессора сами взаимно другъ друга ставятъ ниже всякой критики. Въ концѣ концовъ,—горько восклицаетъ Михайловъ-Стоянъ,—и я, по опыту подтверждаю его восклицаніе,—въ концѣ концовъ, профессора всѣ правы: всѣ они невѣжды и шарлатаны—только каждый на свой образецъ!

Old Gentleman.